

Д. И. Писарев

Московские мыслители

Москва
«Книга по Требованию»

УДК 82.09
ББК 83.3
Д11

Д11 **Д. И. Писарев**
Московские мыслители / Д. И. Писарев – М.: Книга по Требованию, 2021. – 62 с.

ISBN 978-5-458-04181-2

Впервые напечатана в журнале "Русское слово", 1862, кн. 1 и 2. В первое издание сочинений не включалась. Здесь воспроизводится по тексту журнала.

ISBN 978-5-458-04181-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021
© Д. И. Писарев, 2021

Писарев Дмитрий
Иванович
Московские мыслители

Дмитрий Иванович Писарев

Московские мыслители

(Критический отдел "Русского вестника" за 1861 год) I

Гейне в одном из своих посмертных стихотворений говорит, что мир представляется молодою красавицею или брокенскою ведьмою, смотря по тому, через какие очки на него взглянуть - через выпуклые или через вогнутые. Если верить на слово поэту, если предположить, что можно надевать себе на нос разные очки и вместе с тем менять взгляды на жизнь и на ее явления, то мы принуждены будем сознаться в том, что наше зрение радикально испорчено вогнутыми очками; чуть только мы попробуем заменить их другими или просто снять их долой, перед нашими глазами расстелется такой густой туман, который помешает нам распознавать контуры самых близких к нам предметов. Наше зрение слишком слабо для того, чтобы охватить все мироздание, но те крошечные уголки, которые нам доступны, кажутся нам такими неизящными шероховатостями и такими глубокими морщинами, которые гораздо легче себе представить на старой физиономии брокенской ведьмы, чем на свежем, прелестном лице молодой красавицы. Мы любим природу, но ее нет у нас под руками; ведь не в Петербурге же любоваться природою; не заниматься же, из любви к природе, метеорологическими наблюдениями над сырою и холодною погодою, не изучать же различные видоизменения гранита и не умиляться же над различными оттенками петербургского тумана. Поневоле придется, при всем пристрастии к безгрешной растительной природе, обратить все свое внимание на гречного человека, который здесь, как и везде, или сам страдает, или выезжает на страданиях другого. Как посмотришь на людские отношения, как послушаешь разнородных суждений, словесных, рукописных и печатных, как взглянешься в то впечатление, которое производят эти суждения, то мысль о выпуклых очках и о красавице отлетит на неизмеримо далекое расстояние. Уродливые черты брокенской ведьмы явятся перед глазами с такою ужасающею яркостью и отчетливостью, что иному юному наблюдателю сделается не на шутку страшно; он быстро проведет руною по глазам, в надежде сорвать проклятые очки и разогнать ненавистную галлюцинацию; но галлюцинация останется ярка попрежнему, и юный наблюдатель заметит не без волнения, что вогнутые очки срослись с его глазами и что ему придется зажмуриться, чтобы не видать тех образов, которые пугают его воображение. Иные, боясь за свои впечатлительные нервы, действительно зажмуриваются и постепенно возвращаются к тому вожделенному состоянию спокойствия, которое было

нарушено неосторожным прикосновением к вогнутым очкам; другие, более крепкие и в то же время более увлекающиеся, продолжают смотреть, всматриваться, громко сообщают другим отчет о том, что видят, и не обращают внимания на то, что их речи встречают к себе равнодушные и насмешки в слушателях, что изображаемые ими картины принимаются за галлюцинации, за бредни расстроенного мозга; они продолжают говорить, воодушевляясь сильнее и сильнее; их воодушевление постепенно переходит в их слушателей; их речи начинают возбуждать к себе сочувствие; они волнуют и тревожат, они шевелят лучшие чувства, вызывают наружу лучшие стремления; вокруг говорящего группируется толпа людей, готовых перерабатывать жизнь и умеющих взяться за дело; но между тем сам говорящий изнурен колоссальным, продолжительным напряжением энергии; его измучили уродливые образы, на которых он долго сосредоточивал свое внимание; его истомила та борьба, которую ему пришлось выдержать с недоверием и недоброжелательством слушателей; его голос дрожит в обрывах в ту самую минуту, когда все окружающие прислушиваются к нему с любовью и с упоманием; герой валится в могилу.

Такова общая биографическая история отрицательного направления в нашей литературе; {1} недаром большая часть писателей, изображавших темную сторону жизни, находили свой труд тяжелым и лично для себя неблагодарным; недаром Гоголь проводит параллель между двумя писателями; ту же параллель повторяет Некрасов, {2} конечно не из подражания Гоголю, а именно потому, что такого рода параллель естественно напрашивается в сознание и в чувство отрицателя. Тяжела, утомительна, убийственна задача отрицательного писателя; но для него нет выбора; ведь не может же он помириться с теми явлениями, которые возбуждают в нем глубокое физиологическое отвращение; нельзя же ему ни себя переделать под лад окружающей жизни, ни эту жизнь пересоздать так, чтобы она ему нравилась и возбуждала его сочувствие. Стало быть, приходится или молчать, или говорить горячо, желчно, порою насмешливо, волнуя и терзая других и самого себя. Неизбежность отрицательного направления начала понимать наша публика. Что само по себе это отрицательное направление представляет патологическое явление, в этом я нисколько не сомневаюсь; доказывать его нормальность и законность *quand même* {Во что бы то ни стало (франц.). - Ред.} значило бы доказывать вместе с тем нормальность и законность тех условий жизни, которые вызывают против себя сдержанную оппозицию и глухой протест. Те журналисты, которые подвергают се-

рьезной критике существующие идеи, те писатели, которые выводят в своих эпических и драматических произведениях грязь жизни без выкупавших сторон, без утешительных прикрас, нисколько не думают дописаться до бессмертия. Что подумают о них потомки, скажут ли они им спасибо, раскупят ли они нарасхват какое-нибудь пятнадцатое издание их сочинений, все это, право, такие вопросы, которые нисколько не занимают честного писателя, честно выражавшего свое неудовольствие против разных современных неудобств и странностей. Когда у такого писателя является потребность развить несколько мыслей по поводу того или другого явления, тогда он берется за перо только с одним желанием: чтобы те люди, которым попадется в руки его книга или статья, поняли, какие обстоятельства отразились в процессе его мышления и наложили свою печать на его литературное или критическое произведение. Надо только, чтобы между публикою и писателем существовало такого рода взаимное понимание, по которому бы публика видела и понимала связь между видимыми следствиями и необнаруженными причинами. Писателю надо желать, чтобы его произведение только будило в читателе деятельность мозга, только наталкивало его на известный ряд идей, и чтобы читатель, следя этому импульсу, сам выводил бы для себя крайние заключения из набросанных эскизов. Такого рода читатели, договаривающие для самих себя то, что недосказано и недописано, начинают формироваться мало-помалу; дайте нашим писателям такую публику, которая бы понимала каждое их слово, и тогда, поверьте, они с величайшим удовольствием согласятся на то, чтобы их внуки забыли о их существовании или назвали их кислыми, бесполковыми ипохондриками. Работать для будущих поколений, конечно, очень возвыщенно; но думать о лавровых венках и об историческом бессмертии, когда надо перебиваться со дня на день, отстаивая от разрушительного или опошляющего действия жизни то себя, то другого, то мужчину, то женщину, - это, воля ваша, как-то смешно и приторно; это напоминает Манилова, мечтающего о том, как он соорудит каменный мост, а на мосту построит каменные лавки.

Очень может быть, что "Русский вестник", с своею основательною ученостью, с своею эстетическою критикою, с своим солидным уважением к нашей милой старине и к нашему прекрасному настоящему, будет читаться и перепечатываться нашими потомками, которым, конечно, будут совершенно неизвестны имена задорных журналов, печатающих вздор, подобный теперешней моей статье. Мы не гонимся за "Русским вестником", не отбиваем у него прав на

бессмертие, не составляем ему конкуренции; мы знаем, что не далеко ушли бы по той дороге, по которой шествуют московские мудрецы; {3} проклятая натура взяла бы свое, и, сквозь чинно отмеченные фразы серьезного беспристрастия, послышались бы звуки сдержанного хохота и негодующей иронии; да нам и нельзя подражать "Русскому вестнику"; нам никто не поверил бы; подумали бы, что мы все это неспроста говорим; стали бы доискиваться какого-нибудь скрытого смысла и доискались бы, благодаря своей догадливости, чего-нибудь такого, о чем мы бы сами и во сне не бредили. Дойдет или не дойдет "Русский вестник" до того храма бессмертия, в который он решительно возбраняет доступ всем писателям, опозорившим себя отрицательным направлением, этого я не знаю; это не мое дело, и я этим вопросом решительно не интересуюсь. Что дает "Русский вестник" для нас, для наших современников, это совсем другой вопрос, и отвечать на этот вопрос я считаю очень не лишним; ведь у "Русского вестника" есть и в наше время читатели; не все же те люди, которые уважали его в первые годы его существования, махнули на него рукой за его литературные подвиги 1861 года. На этом-то основании я и решаюсь посвятить несколько страниц на то, чтобы с точки зрения человека, пишущего журнальную критическую статью в начале 1862 года, перебрать те литературные мнения, которые "Русский вестник" в последнее время подносил своим читателям.

II

Не думайте, господа читатели, чтобы я написал вам полемическую статью; когда я беседовал с вами о сатирической бывальщине Гермогена Трехзвездочкина, {4} я не полемизировал с автором этого произведения; полемизировать с "Русским вестником" так же невозможно, как полемизировать с автором "Победы над самодурами". У г. Трехзвездочкина свое оригинальное миросозерцание, несходное с миросозерцанием какого бы то ни было другого обыкновенного смертного; у сотрудников "Русского вестника" также совсем особенное миросозерцание; если бы я вздумал спорить с ними, то наш спор можно было бы сформулировать так: я бы стал доказывать этим господам, что они смотрят на вещи сквозь выпуклые очки, а они с пеной у рта стали бы уверять меня в том, что я имею глупость смотреть на вещи сквозь вогнутые очки; я бы кротко попросил их снять на минуту очки; они обратились бы ко мне с тем же требованием, пересыпая его бранными возгласами и убийственными намеками; кончилось бы тем, что, наспорившись досыта, мы замолчали бы, не сблизившись между собою в мнениях ни на одну

линию; спор наш привел бы к таким же плодотворным последствиям, к каким приводит всякий спор, происходящий между людьми различных темпераментов, различных лет и, вследствие этих и многих других различий, несходных убеждений. Кроме того, сражаясь с "Русским вестником", я находился бы в самом невыгодном положении; "Русский вестник" победоносно развернул бы, на удивление всей читающей публики, полное свое исповедание веры, подвел бы, где бы понадобилось, цитаты, тексты и пункты, ссылки на авторитеты всех веков, не исключая XIX-го, засвидетельствовал бы мимоходом свое почтение той или другой великой идее и умилился бы над непризнанными заслугами какого-нибудь великого, но неизвестного России русского деятеля. А я? Что бы я ответил на все эти золотые речи? Я чувствую, что у меня оборвался бы голос при первых моих попытках оправдываться или защищаться. Непременно бы оборвался, и я бы замолчал. Вот видите ли, "Русский вестник" стоит на положительной почве, крепко упирается в нее ногами, скоро срастется с нею, и эта почва не выдаст его в минуту скорби и борьбы. А мы - что такое? Мы - фантазеры, верхогляды, говоруны; мы на воздушном шаре поднялись, а ведь воздушный шар, как говорит объявление "Времени", {5} тот же мыльный пузырь. Так куда же нам бороться с "Русским вестником"? Повторю вам, у меня оборвут голос в ту самую минутку, когда я попробую основательно возражать мнениям "Русского вестника". Да и к чему, для кого возражать? Если мои читатели не сочувствуют тем идеям, которые я выражал в моих статьях, то мне всего лучше не только не возражать "Русскому вестнику", но и совсем не писать. Если же мне сочувствуют, то мне будет совершенно достаточно передать, по возможности верно, литературные мнения "Русского вестника", для того чтобы высказать то, что лежит у меня на душе. Положим, что я воротился из какого-нибудь дальнего путешествия; положим, я посетил Персию и чувствую желание передать русской публике вообще и читателям "Русского слова" в особенности мои путевые впечатления; я, конечно, для полноты, верности и живости картины сочту необходимым воспроизвести те бытовые особенности, которые почему бы то ни было поразили мое воображение и врезались в мою память. Но я никак не поставлю себе в обязанность полемизировать против описываемых персидских обычаев; было бы и смешно и утомительно, если бы я описывал свои путевые впечатления так: "Персияне курят кальян; я нахожу, что гораздо лучше курить сигареты. Персы запирают своих жен в гаремы; это возмутительный обычай, и я, как поборник эмансипации женщины, заявляю перед моими чита-

телями мой торжественный протест против такого варварского устройства семьи". Вообразите себе, господа читатели, что я отправляюсь обозревать "Русский вестник" совершенно так же, как бы я мог отправиться обозревать Персию. У меня с "Русским вестником" так же мало общего в тенденциях, мнениях и литературных приемах, как в моих вседневных привычках мало общего с привычками какого-нибудь Аббаса-Мирзы. Мы, грешные, вязнем в тине и барахтаемся среди всяких нечистот, а "Русский вестник" идет себе ровною дорогою и неспешною поступью пробирается к храму славы и бессмертия. Об чем же нам с ним спорить? Мы просто будем рассматривать его с живейшим любопытством и с напряженным вниманием, как рассматривают гостя из иного мира, создание, отличающееся особым сложением и подчиняющееся особым физиологическим законам. Установив раз навсегда такого рода спокойно-наблюдательные отношения к мнениям "Русского вестника", я намерен во всей последующей части этой статьи дать только фактический отчет о моих наблюдениях, хронику моих заметок.

Не ручаюсь, впрочем, и за то, чтобы кое-где, ошибкою, не прорвалось и критическое замечание.

III

В 1861 году в "Русском вестнике" совершилось немаловажное изменение. "Современная летопись" оторвалась от книжек журнала и превратилась в еженедельную газету. {6} Это событие, само по себе достопримечательное, повело за собою следующие, еще более достопримечательные последствия. Во-первых, книжки "Русского вестника" стали опаздывать с лишком на целый месяц; во-вторых, в состав книжек вошел новый отдел под заглавием: "Литературное обозрение и заметки"; в этом отделе редакция ж сотрудники "Русского вестника" стали делиться с публикою своими взглядами на положение и события текущей литературы, и мы, благодаря этому обстоятельству, узнали много нового и любопытного.

В первой же книжке "Русского вестника" за 1861 год, в статье "Несколько слов вместо современной летописи", {7} редакция отнеслась очень сурово к тем журналам, "где с тупым доктринерством или с мальчишеским забиячеством проповедовалась теория, лишающая литературу всякой внутренней силы, забрасывались грязью вез литературные авторитеты, у Пушкина отнималось право на название национального поэта, а Гоголю оказывалось снисхождение только за его сомнительное свойство обличителя" (стр. 480). Этих уголовных преступников против законов эстетики и художественной критики редакция "Русского вестника" обещала преследовать

со всею надлежащею строгостью. "Мы не откажемся также, - говорит она, - от своей доли полицейских обязанностей в литературе и постараемся помогать добрым людям в изловлении беспутных бродяг и воришек; но будем заниматься этим искусством не для искусства, а в интересе дела и чести" (стр. 484). Не могу удержаться, чтобы в этом месте не заявить "Русскому вестнику" моего полнейшего сочувствия; великие истины понятны и доступны каждому, начиная от развитого деятеля науки и кончая простым, бедным тружеником; ловить беспутных бродяг и воришек из любви к искусству не согласится не только редактор "Русского вестника", но даже и простой хожалый; даже и тот понимает, что этим искусством надо заниматься в интересе дела, т. е. чтобы получать казенный паек и жалование, или в интересе чести, т. е. чтобы дослужиться до унтер-офицерских нашивок. Конечно, редакция "Русского вестника" понимает интересы дела и чести не совсем так, как понимает их хожалый, может быть, даже не так, как понимает их английский полисмен; масштабы не те; между хожалым, сажающим в будку бездомного пьяницу, и русским ученым, издающим уважаемый журнал {8} и принимающим на себя, в интересе дела и чести, свою долю полицейских обязанностей в литературе, лежит, конечно, неизмеримое расстояние, неизмеримое до такой степени, что бедный хожалый, не привыкший группировать явления и сортировать их по существенным признакам, никогда не дерзнул бы подумать, что между ним и редактором ученого журнала есть так много общего. Признаюсь, я в этом отношении разделял неведение хожалого; я до сих пор думал в невинности души, что между обязанностями хожалого и занятиями литератора нет ни малейшего сходства; такого рода образ мыслей объясняется отчасти тем, что я не читал статью г. Громеки: "О полиции вне полиции", {9} бросающую, по всей вероятности, яркий свет на этот запутанный вопрос, отчасти тем, что я был очень молод и ветрен в те счастливые годы, когда газета "Северная пчела" находилась под ведением прежней своей редакции. {10} - Я думаю, впрочем, что я и впредь останусь при своем прежнем неведении, несмотря на то, что это неведение очень многим может показаться забавным и даже идиллическим. На русском языке существует поговорка: "с своим уставом в чужой монастырь не ходят". Эту поговорку можно перевернуть, и она от этого ничего не потеряет. Чужой устав, введенный в свой монастырь, может также оказаться в высшей степени неуместным; поэтому, не стараясь навязать редакции "Русского вестника" малейшую частицу моих понятий, я не буду стараться о том, чтобы заимствовать что бы то ни было из ее свое-

образного миросозерцания. Я уже предупредил читателей: мы вступаем в новый мир, в котором все, начиная от крупнейшего травоядного животного и кончая мельчайшою букашкою, должно возбуждать удивление простого наблюдателя и лихорадочную любознательность зоолога. Мы с вами, господа читатели, простые наблюдатели, и потому мы просто будем удивляться:

Куда на выдумки природа торовата!

и заранее выражаем отчасти смелую надежду на то, что, выходя из кунсткамеры, нам не придется сказать с грустным чувством неудовлетворенного любопытства:

Слона-то я и не приметил!

Может быть, то обстоятельство, на которое я указал при самом входе в кунсткамеру, есть именно тот слон; может быть, мы сразу попали на самое характерное место; в таком случае мне остается только пожалеть, что я не естествоиспытатель; если бы к этому месту приложить анатомический нож 'и микроскоп, если бы исследовать его состав путем химического анализа, то могло бы открыться много любопытного; мы узнали бы законы питания, органы и направления того организма, который находится перед нашими глазами; все это могло бы случиться только в том случае, если бы я был естествоиспытателем; но я просто ротозей, описывающий внешнюю сторону явления, и потому, представив факт на рассмотрение читателей, я принужден идти дальше, хотя чувствую, что в представленном факте многое необъясненного.

Беспутные бродяги и воришки, слоняющиеся по пустынным полям нашей литературы, повергают редакцию "Русского вестника" в самое мрачное раздумье.

"Ни одна литература в мире, - восклицает она, - не представляет такого изобилия литературных скандалов, {11} как наша маленькая, скучная, едва начавшая жизнь, литература без науки, едва только выработавшая себе язык".

Ну, вот наша литература выработала себе язык и на радостях показывает его на все четыре стороны, встречным и поперечным, а эти встречные и поперечные обижаются, не понимают шутки, жалуются: "Она нас дразнит; это личность, это - оскорблениe". Кто ж в этом виноват? Вольно им оскорбляться и вольно ж им, если они так обидчивы, смотреть на этот язык, который так добродушно показывает им наша литература. Когда наша литература выработает себе науку, она, может быть, вместе с языком будет показывать и науку или что-нибудь другое, смотря по обстоятельствам. А покуда ведь, кроме языка, нет ничего. Ну, так что же делать? На нет и суда